

ВЛАДИМИР ГОФМАН

КОМАНДИРОВКА

РАССКАЗ

Святочные дни пролетают быстро — только, кажется, Рождество праздновали, а уж, гляди, Крещение подкатило. И все равно отец Дионисий любил Святки с их особенной новогодней суетой, гостями, частыми службами. Две недели представлялись ему большой елочной игрушкой, блестящей и хрупкой, — смотреть-смотри, но руками трогай осторожно: чуть что не так, хрухнет — и нет праздника. Святки были возвращением в детство, коротким и радостным.

Утром в Крещенский сочельник ему выпало крестить по очереди, и он уже собрался выходить из дому, когда раздался телефонный звонок. Трубка голосом настоятеля собора отца Геннадия отозвалась:

— Это ты, отец? Христос посреди нас!

— И есть и будет! — ответил отец Дионисий, прикидывая, зачем он понадобился настоятелю.

— Ты сегодня в крестильной? — спросил тот.

— Да. Уже иду.

— Не торопись. Покрестит отец Николай, а тебе надо ехать в командировку.

На праздники соборному священству нередко выпадали поездки в тот или иной приход, оставшийся по какой-либо причине без священника. “Не было печали”, — подумал отец Дионисий и обреченно спросил:

ГОФМАН Владимир Николаевич (протоиерей) родился в 1953 году в г. Городец Нижегородской области. Окончил историко-филологический факультет Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского и Московскую Духовную семинарию. Долго работал журналистом. Сейчас — священник Нижегородской епархии Русской Православной Церкви. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

— Куда? — смиряясь с тем, что один из своих любимых праздников придется провести в одиночестве и не известно, в каком еще медвежьем углу.

— В Сосновку. Знаешь, где это?

— Представляю.

— Выезжай пораньше. Вечерню с водосвятием сегодня отслужишь, а ночью на праздник Богоявленскую службу. Там ждут. Обратись, как приедешь, к старосте, ее зовут Антонина Павловна. Все понял?

— Понял.

— Ну, с Богом!

Трубка коротко пискнула, и отец Дионисий, вздохнув, стал собираться в дорогу.

— Валя, — позвал он жену. — Меня в командировку посылают, в Сосновку.

— Там что, служить некому? — спросила, выходя из комнаты, заспанная матушка.

— Выходит так. Помоги мне собраться.

— Слушай, Денис, — возбужденно заговорила Валентина, и сон с нее как рукой сняло. — Слушай, возьми меня с собой!

Отец Дионисий опешил.

— Куда?

— В Сосновку. Ты же едешь в Сосновку?

— Ну да.

— Вот и я поеду.

— И охота тебе тащиться в такую глухомань? Там холодно и никаких условий...

— Да и ладно! — захлопала в ладоши матушка и прижалась к мужу. — На один-то день — не замерзнем!

— Нет, погоди-погоди, — отстранил ее отец Дионисий. — Ты же хотела на клиросе петь в соборе?

Валентина уже вытаскивала из шкафа дорожную сумку.

— Ну так что, там поюю. У них, наверно, петь некому.

— Да уж, наверно, — проворчал отец Дионисий.

— Договорились, — она вдруг оставила сумку и радостно воскликнула, — Денис, а давай Алексея позовем, он нас отвезет на машине.

Алексей был двоюродным братом Валентины и имел старенькую “шестерку”, которую постоянно ремонтировал. Идея отцу Дионисию очень даже понравилась, только было сомнение, что машина у Алексея на ходу.

— Сейчас узнаем! — Валентина быстро набрала номер телефона и защебетала в трубку. “Ага. Хорошо. Ага. Ладно”, — только и слышалось отцу Дионисию. Наконец, разговор закончился.

— Все в порядке, — доложила Валентина. — Машина — “зверь”, хозяина слушается с полуслова, или, как он говорит, с полпинка. Лешка невесту свою возьмет, Татьяну. Вот мы с ней и споем тебе всю службу. Отлично складывается, а?

“Еще бы не отлично”, — подумал отец Дионисий. Еще бы не отлично! Ведь если получится с машиной, не надо будет тащиться на рейсовом автобусе до райцентра, а там неизвестно как добираться до места. Сколько там до этой забытой Богом Сосновки? Отцы в соборе рассказывали, что иногда на тракторе приходится путешествовать или даже на лошади, запряженной в сани. И это в XXI веке! А тут — милое дело, поедем с комфортом! Да еще с друзьями! Нет, положительно хорошо иметь такую сообразительную жену.

— Отлично! — повторил он и, подхватив Валентину на руки, закружил по прихожей.

— Тихо! Тихо! — смеялась она. — Тут же повернуться негде, а ты...

— Уберемся, не толстые, — запыхавшись, проговорил отец Дионисий и опустил жену на ноги.

Валя чмокнула его в щеку и погрозила пальцем.

— Между прочим, мне нельзя так рисковать. Вы это помните, сударь?

Как не помнить! Он день и ночь помнил, что Валентина ждет ребенка, и в скором времени ему предстоит стать отцом в прямом смысле этого слова.

— Может быть, тебе и ехать нельзя? — прищурился он.

— А вот на свежий воздух мне даже очень нужно!

— Ага. Ну, тогда собирайся.

От города до Сосновки они добрались за два часа с небольшим. Вымирающее село стояло в километре от большой дороги, проезда туда не было, а жители выбирались на “большую землю” по тропинке. О нем бы давным-давно все позабыли, если бы не храм — большой, пятиглавый, он хорошо сохранился, и хотя постоянных служб в нём не совершалось, всё же на большие праздники сюда присылали священника, и остатки жителей собирались в церковь, некогда богатую, а сейчас год от года все более приходящую в запустение.

— Что будем делать? — задал вопрос Алексей и заглушил мотор.

Все молча смотрели в окна на бескрайние заснеженные поля. Солнце уже скрылось. Короткий зимний день кончался, и уже было видно, что вот-вот на землю упадут январские сумерки.

— Да-а, — неопределенно сказал отец Дионисий, напряженно думая, — что же, действительно, делать.

— Пойдемте пешком, — предложила Валентина. — Тут идти-то всего ничего.

— А машина?

Матушка не сдавалась:

— Здесь оставим. В таком бесплодье кто ее тронет?

— Ну, ты даешь, сестренка! У нас ничего без присмотра оставить нельзя, — возразил Алексей. — Не успеешь оглянуться, как останешься без колёс.

— Ладно, — решил отец Дионисий, — вы езжайте назад, а я пойду в село. У меня всё равно другого выхода нет.

— Я с тобой! — решительно заявила Валентина.

— И я — тоже! — поддержала ее Алексеева невеста.

Алексей обиделся.

— Выходит, вы все хорошие, а я — поросенок, да?

— Перестань, Леш, — отец Дионисий положил ему на плечо руку. — Это они так, из солидарности. Я их не возьму.

— Нет, не так! — в один голос откликнулись женщины. — Собрались, значит, все, назад пути нет. Пошли, служба скоро.

— Хорошо, — сдался Алексей, — уговорили, оставим машину на обочине. Будем надеяться, никто за ночь ее не тронет.

На том и порешили.

Узкая тропинка, петляющая среди сугробов, привела их к храму. Замка на двери не было, значит, гостей ждали. Из форточки нижнего окна за притвором высовывался конец жестяной трубы, из которой весело струился дымок. Перекрестившись на выцветшую иконку, криво висящую под козырьком на крыльце, отец Дионисий, а за ним все остальные вошли в церковь.

Храм оказался трехпрядельным. Для того чтобы сохранить хоть немного тепла, центральная арка перед храмовой частью была затянута полиэтиленовой пленкой. Службы совершались в южном приделе: возле него стояла железная печь, такие, наверно, когда-то называли “буржуйками”. Труба, конец которой наблюдали отец Дионисий со товарищи в форточке, тянулась над царскими воротами и исчезала за алтарем. У печки сидел на корточках бородатый старик. Открыв дверцу, он бросил в огонь пару березовых поленьев, поправил их кочергой и только тогда посмотрел на гостей.

Вошедшие перекрестились, и отец Дионисий обратился к старику:

— Здравствуйте! — громко сказал он. — С праздником!

— И вы здравствуйте, коли не шутите! — весело ответил старик и закрыл дверцу печи. — Откуда путь держите?

— Из города, на праздник к вам прислали, — сказал отец Дионисий. — Нам бы старосту увидеть, Антонину Павловну.

— Так это батюшка? — обрадовался бородач, видимо, не сразу признавший в светской одежде молодого священника, тем более что борода у отца Дионисия еще с трудом вырисовывалась. — Приехали, выходит, это хорошо. — Старик потер ладони, будто они озябли. — А мы искали трактор, что-

бы дорогу-то, значит, прочистить от большака, да не нашли. Захаров обещал — председатель соседний — да не прислал почему-то, Бог ему судья.

Старик поднялся, отряхнул с колен дровяной мусор и подошел под благословение.

— Я тут сторож буду, — продолжал говорить он. — Хотя что сторожить-то? Народу у нас нету, одни старухи вон остались, человек тридцать, свой век доживают... Да я у них навроде пастуха... А?.. Сейчас к Антонине пойдём, она здесь рядышком проживает, в двух шагах.

Староста храма Антонина Павловна оказалась крепкой на вид, румяной старушкой без единого седого волоса. Она обрадовалась гостям и тут же усадила их за стол.

— Магушка, сегодня сочельник, можно и без обеда обойтись, — попытался отказаться отец Дионисий, но та и слушать не стала.

— Как же это, с дороги-то?.. Я вам обеда не предлагаю, а поужинать следует. Для подкрепления сил, значит. — Она поставила на стол пузатый электрический самовар и стаканы в голубых подстаканниках. — Помню, мама-покойница говорила: не поужинавши, легче, а поужинавши, лучше. Или не так?

Все засмеялись.

— Так, так.

— Ну и расслаживайтесь, кому где нравится. Помолимся, чайку попьём, а там, глядишь, и на службу пора. И ты садись, Евдокимыч, — пригласила она сторожа, — погрей душу.

Бородач отказался и ушел, сославшись на топящуюся в храме печку, которую, дескать, опасно оставлять надолго без присмотра. Бабушка Антонина успевала угощать молодежь чаем с сухими, твердыми, как камень, баранками и рассказывать о делах церкви. Прихода давно уже в Сосновке не было: народ, что помоложе, разъехался, а тут в райцентре открыли церковь да в соседнем большом селе молитвенный дом — в Сосновский древний храм ходить стало некому. Некоторое время здесь служил старенький иеромонах Агафангел, но и того куда-то перевели за бедностью прихода.

— Ничего, — говорила Антонина Павловна, прихлебывая с блюдца бледный чай. — Ничего. У Бога милости много. Он нас, грешных, не оставляет — вот на праздники батюшку пришлют, мы и рады-радехоньки — в церкви службу справим. Да... Нужда научит калачи есть.

— А сколько Вам лет, бабушка? — спросила Валентина.

— Немного, милая, девятый десяток с Воздвиженья пошел, — так же весело ответила хозяйка и обратилась к отцу Дионисию. — Как, батюшка, служить будем, водичку-то когда освятить?

— С вечера освятим. И ночью после литургии, конечно, — ответил отец Дионисий. — У вас есть кому на клиросе петь?

— Откуда, батюшка? Псаломщица, правда, есть, она у нас и по покойникам читает и молебны мирским чином ведет, когда праздник случится без священника, и панихиды в родительскую поёт, слава Богу... Вот так, значит.

— Ну, сегодня мы с хором будем, — отец Дионисий показал на раскрасневшихся после чая Валентину с Татьяной. — По всем правилам.

— Ой, хорошо-то как! — обрадовалась старушка. — Так пойдёмте пока в церкву, я все покажу. Скоро уж народ соберется, надо свечи приготовить. Хоть и не свечка перед Богом ставится, а душа, однако и без свечей на службе нельзя — чай, не басурмане!

На улице было темно, хоть глаз выколи. Но это только поначалу, со света. А потом стало видно и дома, и деревья, и темнеющий за ними храм, и узкую тропку вдоль деревенской улицы среди высоких сугробов. В редких окнах горел свет, остальные дома стояли черные и угрюмые, словно мертвые, да они такими, собственно, и были без людей. Здесь, за городом, небо казалось огромным и низким, по нему, как по черному бархату, рассыпались яркие звезды, похожие на елочные игрушки. Под ногами крепко хрустел снег.

Евдокимыч все еще топил печь. В храме стало заметно теплее, и немногочисленные прихожане сгрудились у печки не столько, пожалуй, погреться,

сколько послушать сторожа. Он сидел на низенькой скамеечке, картинно отставив ногу, обутую в огромный рыжий валенок, в одной руке держал кочергу, другую, с вытянутым указательным пальцем, поднимал вверх и что-то говорил.

— Ишь, вещает! — кивнула Антонина Павловна. — Он у нас любит вещать. Начитается книжек и давай проповедовать, хоть хлебом не корми. Такой уж есть. — Она вздохнула. — А других-то и нету — последний мужик в Сосновке. Летом, конечно, наезжают, а зимой — он один. И швец, и жнец, и на дуде игрец.

Отец Дионисий познакомился с псаломщицей Надеждой, худой строгой женщиной лет шестидесяти в темном платке.

— Вот, Вам в помощь, — представил он ей Валентину и Татьяну. — Могут петь и читать.

— Хорошо, — только и сказала та и, посмотрев на девушек долгим взглядом, словно не веря, что такие молодые и современно одетые девицы могут что-то делать в церкви, стала готовить на клиросе книги.

Служить решили вечером с присоединением чина великого водоосвящения, как и положено, так как Крещенский сочельник пришелся в этом году на субботу. Алтарь показался отцу Дионисию тесным, да еще справа от царских дверей стояло старое кресло, на котором сложены были облачения всех цветов; оно занимало много места, но и убрать его не удалось, потому что облачения хранить, кроме как в алтаре, было негде. Отец Дионисий вздохнул. “Ладно, — подумал он, со своим уставом в чужой монастырь не ходят, мое дело — отслужить”.

Без дьякона и без алтарника служить было непривычно — тут тебе и ектиньи, и возгласы, и частички из просфор надо вынуть. Ладно, что кадило раздувала за пределами алтаря сама староста и подавала всегда безошибочно вовремя. Наконец запели “Глас Господень на водах...”, и отец Дионисий, открыв царские врата, вышел на середину храма, где Евдокимыч уже приготовил большой сосуд с водой. Вокруг него стояли полнехонькие банки, пластиковые бутылки, старинные ведерки и даже две зеленых эмалированных кастрюли.

Отец Дионисий поставил впереди свечу на высоком подсвечнике и начал, пока пели тропари, кажение вокруг стола с посудой. Дым из кадила вырывался густыми сизыми клубами и был такой едкий, что кто-то тут же закашлялся. “Где они только берут такой ладан”, — думал отец Дионисий, но тут же ему стало стыдно — а на что они купят хороший ладан, на какие-такие средства? Или ты привез из города коробочку смирны? Так укорял он себя и решил, что, как только сможет, обязательно передаст в Сосновку килограмм афонского ладана. Хотя бы “Гвоздики” или “Розы”, а лучше — “Архиерейского”. Точно — “Архиерейского”! Попросит Алексея, и тот отвезет.

А служба шла своим чередом. Вот уже запели тропарь “Во Иордане крещающуся Тебе, Господи...”, и он погрузил крест в воду. Потом все прикладывались к распятию, а отец Дионисий, не жалея воды, кропил головы прихожан во имя Пресвятой Троицы. Евдокимыч, получив свою порцию, попросил окропить его еще раз, и тяжелое от воды кропило аж причмокнуло на лбу сторожа.

— Ох, хорошо! — приговаривал бородач. — Ох, славно! Окропиши мя иссопом и очищуся!.. Еще разок, так. Слава Тебе, Господи! Омыши мя и паче снега убелюся...

— Тебе, Евдокимыч, надо в проруби купаться — вот тогда будет хорошо! — сказала стоящая рядом староста Антонина.

— Нет, на это я не способен, — возразил Евдокимыч. — Сердечко слабовато — не выдержит великой радости.

Добрую порцию святой воды получили и певчие Валентина с Татьяной. Они подставляли под кропило лица, крепко зажмуривали глаза и почему-то открывали рот — задыхались от восторга.

— Теперь отдохнем малость и Богоявленную службу будем править, — сказала староста и громко объявила приказным тоном: — Ночью приходите в час тридцать. И чтобы без опозданий у меня!

Довольные старушки упаковывали свои бутылки и ведерки и отправлялись по домам. Пошли домой во главе с бабушкой Антониной и гости.

Небо казалось еще темней, а звезды, как полагается, — ярче.

— Хорошо, — сказал, вздыхая полной грудью, Алексей. — И в город не хочется. Этот праздник надо в деревне встречать, точно!

Антонина Павловна всем приготовила места для отдыха, но за разговорами никакого отдыха не получилось. Говорили о празднике, о купании в проруби, о святой воде.

— Та макрон агиасма, — сказал, показывая на сосуд с крещенской водой, отец Дионисий. — Так греки называли эту воду. Великая святыня, значит.

— Правда, что капля этой воды море освящает? — спросила Татьяна.

— Как на такой вопрос ответишь? — отец Дионисий почувствовал, что попал на своего конька. — Церковь к любой воде относится с уважением, как к источнику жизни. Был такой святой — Кирилл Иерусалимский — так он говорил, что начало мира — вода и начало Евангелия — Иордан.

— А вода из святых источников?

— А что — из источников?

— Она тоже — святая?

— Святая. Любая вода, над которой читаются молитвы, — святая. Есть, например, вода с копия, которым разрезается Агнец на проскомидии. Или вода с обычного водосвятного молебна.

— В чем же разница? — спросил Алексей.

— Разница?.. — отец Дионисий подумал и продолжал: — Если говорить языком богословия, то разница в степени воплощенности Божественной энергии.

— А попроще?

— Что ж тут непонятого? Сила молитв различна в разных случаях. А по молитве нашей Господь посылает свою особую благодать на то или иное вещество... На Богоявление при водосвятии особые молитвы. И вода — особая. Раньше даже был особый чин причащения от Богоявленской воды — вот какое значение ей придавалось.

— Говорят, что в двенадцать часов ночи на Богоявление вода в любом сосуде, хоть в чайном блюде, качнется, — сказала Валентина. — Ангел крылом задевает.

— И вся вода святая! — воскликнула Татьяна.

Отец Дионисий возразил:

— Святая, конечно. Такой уж день — “днесь вод освящается естество”. Но не Великая агиасма, потому что только над водой при великом водосвящении читаются специальные молитвы, только она прощитывается божественной энергией и становится “макрон агиасма”. Остальная святая вода — “микрон агиасма”. Великая святыня и малая святыня.

Тут подала голос молчавшая до сих пор Антонина Павловна:

— Вот что, философы, скоро двенадцать часов. Качнется вода или нет, я не знаю, но я каждый год обливаюсь водой на Крещение. Может, кто желает из вас — воды у меня хватит.

— На улице? — передернула плечами Татьяна. — Нет, я к такому не готова.

— Мне нельзя, — сказала Валентина.

— Я — пас! — поддержал женщин Алексей. — Дома, в ванной, еще куда ни шло, а тут — нет, увольте.

Отец Дионисий понял, что ему как священнику нельзя терять лицо и придется — хочешь не хочешь — поддержать отчаянную старушку.

— А Вам не опасно, — осторожно начал он, — это... в Вашем возрасте?

— Чай, не впервой! — твердо сказала староста. — На миру и смерть красна.

Отец Дионисий вздохнул.

— Я тоже буду, — произнес он обреченно.

— Да ты что, Денис! — схватила его за руку Валентина. — Простудисься!

— Молодец, батюшка! — похвалила старуха. — Ничего с ним, милая, не случится, — сказала она Валентине. — Крепче будет с Божией помощью.

Во дворе у засыпанной снегом скамейки Антонина Павловна поставила четыре ведра воды.

— Два тебе, — сказала она отцу Дионисию, — а два мне. Ну, кто первый?

— Я, — сказал отец Дионисий, вознамерившийся держать марку до конца.

— Давай, батюшка. Раздевайся в сених, вот простыня, ей укроешься опосля. С Богом!

Все остались в доме. Отец Дионисий разделся донага, и укрывшись простыней, вышел на улицу. Морозом обожгло все тело и захотелось вернуться в теплый дом, но он победил в себе слабость и вирипрыжку побежал к скамейке, где стояли ведра. Скинув простыню, он посмотрел на звезды и остро почувствовал вдруг, как не чувствовал еще никогда, какой маленький и жалкий человек под огромным ночным небом — соринка в великом космосе.

Голые ступни ломило — не до раздумий. Отец Дионисий схватил ведро, произнес громко: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа!” и вылил на себя воду. Дыхание перехватило, но он, не останавливаясь, опрокинул на голову второе ведро и, схватив простыню, бросился в дом. Уже на пороге ему стало тепло, все тело будто кололи тонкими иголками, но не больно, а приятно.

Дома его встретили восторженными криками, а Валентина протянула махровое полотенце, позаимствованное у хозяйки.

— Ну как, батюшка? — спросила Антонина Павловна, — как водичка? Святая?

— О-о! — только и выговорил отец Дионисий.

— Так и я пойду, пожалуй, — сказала она и вышла в сени.

— И не боится! — воскликнула Татьяна. — В восемьдесят-то лет!

— Вера чудеса творит! — отозвался из полотенца радостный отец Дионисий.

Дверь распахнулась, и в дом вместе с облаком белого пара влетела боконогая хозяйка в прилипшей к телу простыне.

— Господи, помилуй! — воскликнула она, пробегая в соседнюю комнату. — Вот это хорошо, так хорошо!

— Берите пример! — сказал, обращаясь сразу ко всем отец Дионисий, и пошел одеваться.

Время пробежало незаметно, и пора было уже собираться в церковь. С улицы послышался колокольный звон. Антонина Павловна поднялась из-за стола.

— Евдокимыч на службу приглашает.

— Он у вас и звонарь? — улыбнулся отец Дионисий.

— Я ж говорю, на все руки. Ишь, вызваниват. Да-а... Первый звон — пропадай мой сон, второй звон — земной поклон, а третий звон — из дому вон! Пошли, что ли, молодежь?

Веселые, счастливые, нагруженные деревенскими подарками утром после службы и чаепития, они возвращались к машине. Бедная “шестерка”, конечно, замерзла и долго отказывалась заводиться, и все, радостно хохоча, толкали ее по дороге, пока, наконец, мотор не фыркнул раз-другой и заработал. Потом, обогревшись в салоне, они до самого города вспоминали разные детали своего праздничного путешествия. А на лестничной площадке, пока искал в кармане ключ, отец Дионисий спросил матушку:

— Ну что, не жалеешь, что поехала со мной в медвежий угол?

— Не жалею, — ответила она. — Готова еще прокатиться. Кстати, это была моя идея. А ты, скажи-ка мне, как не испугался обливаться на морозе-то?

Отец Дионисий снисходительно усмехнулся и сказал, имитируя голос старосты:

— Чай, не впервой. На миру и смерть красна!

Оба громко расхохотались.